

А. МАЛЕЙКО

МОЯ МАМА
ЛЮБИТ ХУДОЖНИКА

КомпасГид
издательский дом

Анастасия Малейко

Моя мама любит художника

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9527366

Моя мама любит художника: КомпасГид; М.; 2015

ISBN 978-5-00083-152-6

Аннотация

Лине пятнадцать лет. Может показаться, что она самая обычная девочка, ведь у нее всё как у всех: друзья, любимое занятие, папа и мама. Но это совсем не так. Лучшая подруга Лины не одна из одноклассниц, а соседка, пианистка Кира Сергеевна. Еще Лина дружит со старушкой Гертрудой – говорящим деревом, которое растет у нее во дворе. Больше всего на свете Лина любит собирать необычные вещи – платья, шляпы, разные безделушки – и даже устроила целый музей у себя в кладовке. Папа у Лины преподает литературу и обожает говорить о Джойсе. А мама... Так просто и не объяснишь, но она тоже очень необычная, веселая и изобретательная. С папой они давно расстались, но прекрасно ладят. Мама и Лина почти неразлучны. Они вместе ходят в любимую кофейню, гуляют, наблюдают за прохожими, сочиняют про них истории. Вот только теперь у мамы кроме Лины есть еще и художник. Мама с ним счастлива, да и вообще он симпатичный и умный, но Лине он почему-то не нравится. И вот однажды,

когда мама снова спешит к художнику, Лина решает рассказать эту историю...

«Моя мама любит художника» – подростковая повесть молодого писателя, драматурга и журналиста Анастасии Малейко. За эту книгу в 2013 году Анастасия получила Международную детскую литературную премию им. В. П. Крапивина.

Содержание

Глава первая. Про клетчатое пальто, ванильное печенье, лисью шапку и про то, чего не перечислишь	6
Глава вторая. О том, что вдвоем с другом есть бабушкины котлеты гораздо приятнее	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анастасия Малейко
Моя мама любит
художника

© Малейко А., текст, 2015

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2015

Глава первая. Про клетчатое пальто, ванильное печенье, лисью шапку и про то, чего не перечислишь

Сегодня второе октября. Мы идем мимо оперного театра с арфами на крыше. Солнечно и ветрено.словно холодный подвал открыли и запустили туда солнце. Стоишь в янтарной волне, но согреться не получается, только ловишь лицом золотистую пыль, застывшую в зябком воздухе.

На маме клетчатое пальто и красный берет. Она сжимает в руке бумажный пакет с печеньем, пакет приятно шуршит и пахнет ванилью. Мы только что вышли из кулинарии, где мама долго и тщательно выбирала что-то повкуснее. Это «что-то» она несет художнику. Дело в том, что мама любит художника. Может быть, даже больше, чем меня. По крайней мере, мне она не покупает ванильное печенье.

– Ты похожа на студентку, – выдыхаю я в шарф.

– Что? – Ее глаза смеются, а щеки розовые, точно персики, которые мы покупаем на рынке у одного грузина. Грузину нравится мама, он всегда накладывает больше, чем нужно, дарит баклажаны и маленькие приторные дыни. Мама вообще многим нравится. Но полгода назад она выбрала худож-

ника. А художников, как известно, нужно постоянно удивлять.

Сегодня утром я проснулась от странного звука. Так скрипели ржавые качели у нас во дворе, пока их кто-то не увез к себе на дачу. Оказывается, это стонали дверцы старого бабушкиного шкафа, пока мама вытаскивала клетчатое пальто. Я его помню только по фотографиям, где она, клетчатая и серьезная, словно учительница, стоит рядом с детским велосипедом. Старая история. Мой день рождения, первый велосипед. Меня, пятилетнюю, долго усаживали, уговаривали, а я все равно убежала, и в кадре остались только мама и велик. Пальто провисело в шкафу десять лет, бабушка даже хотела сшить из него что-нибудь полезное. Интересно, если бы пальто все же превратилось в жилетку или в сиденье для табуретки, чем бы мама сегодня удивила своего художника? Стащила бы у меня малиновую толстовку?..

В моих вещах она уже рылась, сказала, что у меня серая депрессивная гамма. Кто бы говорил. У нее тоже все серое. Не безликое, а благородное. И пальто у нее серое, чуть ниже колен, с огромным стоячим воротником. Я видела старые французские фильмы, там все ходят в таких пальто. Сказала ей про это утром, надеялась отговорить от дурацкой клетки, а она засмеялась – просто ты смотрела черно-белое кино, в котором все выглядит серым.

Мы идем по Васильева. Это единственная улица в нашем городе, выложенная булыжниками. Здесь нет машин, только велосипеды, скамейки и большой фонтан. Так уж случилось, что почти все, что у меня есть, находится здесь, на Васильева. Вот наш дом – трехэтажный, столетний, с высокими потолками и скрипучим паркетом. Совсем недавно он был невезучим заморышем, с зеленоватыми подтеками и вмятинами, но потом что-то произошло, вспомнили про архитектурные памятники, приехало телевидение снимать фильм про всех жильцов. Вообще, мне понравилось. Я даже в школу два дня не ходила, отвечала перед камерой на вопросы серьезной девушки Тани. Знаю ли я мецената Муратова, который жил в этом доме, общаюсь ли с соседями, справляют ли нужду во дворе прохожие. Я отвечала честно – Муратова не знаю, дружу только с Кирой Сергеевной из соседней квартиры, нужду, конечно, справляют, а где им еще ее справлять? Туалеты только в кафе, а туда просто так не пускают, нужно хотя бы кофе заказать. А кофе стоит шестьде-

сят рублей, кто же будет столько платить за то, чтобы зайти пописать? Таня внимательно меня слушала и грустно кивала головой. Потом мы с мамой уселись перед телевизором и смотрели передачу про наш дом. Меня было мало, и говорила я как будто совсем не то. Бледным и застиранным голосом бормотала что-то про соседку и ее пианино, а внизу, под моим лицом, была надпись: «Лина Коваль. Родилась в доме купца-мецената Муратова. Учится в 9-м классе школы № 8». Кто бы мог подумать, но из-за этой строчки у меня сразу поднялся рейтинг. Вика Старцева подарила заколку с бабочкой, Катя предложила записаться в школьную группу современного танца, а Степа крикнул из окна своей черной машины: «Эй, Лина Коваль! Видел тебя по телику! Ну, ты даешь!»

И дом стали реставрировать. Из обшарпанного сундука он превратился в розовую праздничную шкатулку, с белой лепниной и цветами на подоконниках. В общем, свадебный торт, а не дом. Горшки с цветами подарили всем восемнадцати жильцам, чтобы прохожие любовались выставленными в окнах настурциями. И запретили деду Ваганову вывешивать на балконе белье. Мама тогда за него заступилась, жалко ей его стало. Мне, честно говоря, тоже – ну какой кому вред от того, что он раз в две недели повесит белыми парусами свои наволочки? Оказывается, это «портит туристический маршрут».

Мама рассердилась и говорит:

– А почему же в Риме, в доме напротив Колизея, висят наволочки?!

– Какие наволочки? – Тетка из администрации явно не ожидала такого напора.

– Такие! Небесно-голубые наволочки! Висят и сушатся! И никому не мешают наслаждаться памятником архитектуры!

– Не знаю, я в Колизее не была. У них, может, и можно. А у нас нельзя.

Так вопрос с наволочками на балконах был бесповоротно решен. А наш дом сразу после реставрации, телепередачи и цветов на подоконниках стал элитным.

Все время, пока мы идем по нашей улице и я, уткнувшись в шарф, пишу самую захватывающую книгу на свете, мама улыбается и шуршит ванильным пакетом.

Мы останавливаемся у двухэтажного старинного здания. Здесь на втором этаже – мастерская художника, а на первом – лавка с картинами, кисточками, мольбертами. Мама поправляет мне шарф, вкладывает в ладонь пятьсот рублей и ныряет в стеклянную дверь с колокольчиком. Это означает следующее. Ее не будет часа два, я могу ее подождать, гуляя по Васильева, а если проголодаюсь, можно потратить пятьсот рублей в блинной или в кофейне «Марс».

Вместо этого я спускаюсь в подвал секонд-хенда. Я здесь часто бываю – ищу, чем бы украсить нашу с мамой жизнь. Выбираю долго и тщательно, как костюмер перед новым спектаклем. Меня знают и оставляют особенные вещи специально для меня. Бархатные перчатки с обрезанными пальцами, разноцветные кеды, странные корсеты на косточках, платья, будто выпрыгнувшие из толпы на концерте группы «Абба», старые индийские сумки, расшитые бисером... Себе я оставляю только кеды, остальное идет в мой музей, под который я оборудовала кладовку. Мама иногда туда заходит, когда настроение плохое, или дождь целый день, или просто хочется посидеть в тишине среди полок с причудливой английской обувью, среди полосатых платьев и старых, подобранных мною безделушек. Она говорит, что мне нужно стать художником по костюмам в кино или в театре, потому что я вижу в вещах больше, чем лежит на поверхности. А я так скажу. В любой вещи, даже самой маленькой, типа пуговицы, есть душа. Просто многие души, как и люди, спят, и только самые смелые все видят и чувствуют. Они окликают нас, причем довольно громко. Я, по крайней мере, всегда слышу. Вот и сегодня, протискиваюсь к стойке с джинсами, останавливаюсь. Джинсы молчат, висят потухшим тряпьем на вешалках, а над ними, на полке с сумками, лежит она. Рыжая лисья шапка с чуть облезлыми у основания краями. Такую шапку носила Барбара Брыльска в «Иронии судьбы».

Мама всегда смотрит в Новый год этот фильм, хотя все там наизусть знает. Ну, и мне приходится смотреть, и я от скуки изучаю, кто во что одет. Так вот, говорю точно – второго октября в подвале я купила за триста рублей лисью шапку Барбары Брыльской.

Бегу домой, а шапка в пакете радуется, что-то бормочет и похихикивает, будто проснувшийся утром ребенок. На улице стало еще холоднее, солнце ушло. Я бегу навстречу своему розовому дому, оставляя за собой театр, подвал, кофейни, скамейки, магазин с мольбертами и маму с художником.

Глава вторая. О том, что вдвоем с другом есть бабушкины котлеты гораздо приятнее

Стою, не сняв сапоги, в комнате и смотрюсь в зеркало. В зеркале – чуть розовый, еще не согревшийся нос, два карих глаза, а на голове свернулся маленький лисенок. Лоб щеко-чут ворсинки меха, я смотрю на шапку в зеркале и мысленно пишу наш с ней разговор.

- Ну, как тебе жилось до меня?
- Да так как-то, не особенно...
- Долго тебя носили?
- Долго...
- В Польше?
- В Польше...
- Теперь будешь жить у меня.
- У тебя...

Звонок в дверь прерывает наш диалог с рыжей шапкой, она замолкает, а я, не снимая ее с головы, распахиваю дверь. На пороге стоит наша соседка и мой лучший друг – Кира Сергеевна из двенадцатой квартиры. Она замирает так, будто Бетховен, который висит у нее над пианино, вдруг ожил и поселился у нас. Я выжидающе молчу.

– Ты купила себе лису? – слышу я наконец вопрос.

– Это лисенок, – поправляю я и пропускаю Киру Сергеевну с кастрюлькой в руках в прихожую.

– Прекрасный выбор, Линочка, тебе очень идет рыжий цвет! – Я знала, что уж кто-кто, а Кира Сергеевна оценит шапку по достоинству.

– Отличный прикид, – парирую я, имея в виду, что на Кире Сергеевне сегодня мой подарок, джинсовая рубашка из 80-х, вытертая на локтях до белесых овалов. – Бабушка?.. – киваю я на кастрюльку, откуда пахнет куриными котлетами и картошкой.

– Да, она не стала вас ждать, занесла мне. Ты голодная? Мой руки и садись скорее, пока все теплое. – Кира Сергеевна проходит на кухню, а я снимаю шапку и кладу ее в музей, рядом с черной фетровой шляпой. Пусть знакомятся.

Потом мы сидим с Кирой Сергеевной на кухне и едим бабушкины котлеты.

Бабушка живет за три дома от нас и часто заносит нам всякую еду – банки с борщом, котлеты, пирожки. Она вол-

нуется, что, когда ее не станет, мы с мамой умрем с голоду, потому что готовить не хотим и не умеем. Мы, конечно, с ней соглашаемся, чтобы доставить ей удовольствие, но вообще-то у нас к еде философское отношение. Если дома есть батон, кефир, яйца и сыр, значит, все в порядке. Кира Сергеевна считает так же. Мы с ней вообще во многом похожи. Не представляю, как бы я жила без наших чаепитий и обсуждений всего на свете.

– Мама у художника, – говорю я сквозь котлету.

– Хорошо, – отвечает Кира Сергеевна и кладет мне под руку салфетку.

– Не понимаю, что хорошего. Вытащила сегодня утром клетчатое пальто. Вырядилась, как студентка. Побегала к нему, понесла ванильное печенье.

Кира Сергеевна улыбается одними глазами.

– Твоя мама счастливая и влюбленная. Это лучшее, что может случиться с человеком. Когда влюбишься, поймешь.

– Но почему художник? Она что, не могла выбрать кого-нибудь другого для счастья?

– А чем тебе не нравится художник? – Кира Сергеевна разливает чай. Все-таки здорово сидит на ней эта рубашка. Она в ней как хиппи, только цветочного венка на голову не хватает.

Честно говоря, у меня нет ответа на вопрос, почему художник мне не нравится. Вообще-то он симпатичный и веселый. И мама с ним постоянно смеется и подпрыгивает, как

школьница. Наверное, я просто ревную – раньше она веселилась со мной. Мы ходили на концерты и в кино. По воскресеньям уезжали в парк с бутербродами и термосом, лежали на траве до вечера, болтая и сочиняя всякие истории. А теперь у нее художник.

Я говорю все это Кире Сергеевне, мы пьем чай, а за окном темнеет.

– Может, посмотрим кино? – предлагаю я.

– А уроки?

– Два английских, литература и химия. Английский давно сделан.

– А химия с литературой? – спрашивает для порядка Кира, хотя я вижу, что она уже согласилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.